

СЕРГЕЙ ТРИУМФОВ

Мы любим вас

РАССКАЗЫ

Сергей Триумфов

Мы любим вас. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22614899

ISBN 9785448361173

Аннотация

Мы, люди, давно привыкли умирять природу и приручать животных. А если нам что-то не нравится, то мы тут же изобрели ружье и атомную бомбу. Мы считаем, что открыли почти все законы. Мы заблудились, идем не туда.. И чем дальше мы удаляемся в мир синтетики и киборгов, тем тише для нас звучат голоса наших братьев меньших, наших родных братьев. А они зовут нас, не потому что жить не могут без нас, а очень хотят, чтобы мы не пропали. Пока есть время, надо послушать, о чем они говорят и просят нас.

Содержание

История без конца	5
Дикая Дима	8
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мы любим вас

Рассказы

Сергей Триумфов

© Сергей Триумфов, 2017

ISBN 978-5-4483-6117-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История без конца

Мы жили до этого нового года мыши, только переживая за международные проблемы. Жили просто, а потом обычно любили друг друга. Или просто любили, а потом обычно жили.

Но на новый год мы поссорились. Ведь новый год не может быть похож на старый. Ведь старый был год свиньи, а наступил год мыши. Она подарила мне мышку. И между нами пробежала мышка: маленькая, серая, почти незаметная.

– Ну, и оставайся со своей мышкой. Я дарю ее тебе, – сказала она.

Мышка всегда молчала, правда, иногда попискивала

и всегда улыбалась, даже когда не хотела улыбаться. И я стал жить с мышкой.

Она стала сердиться еще сильнее. Сильнее, чем на новый год. И завела себе кота.

Кот был толстым, ленивым и самоуверенным. Он стал спать там, где раньше спал я. Она любила его гладить, а он иногда недовольно позволял эту пытку над собой.

У нас дома появился живой уголок. У каждого из новоселов был свой хвост. И если хвостик мышки послушной веревочкой тянулся за ней, то хвост у кота был нервным, как кнут пьяного пастуха. Мы не понимали, что можно жить без совести, но совесть не может прожить без каждого из нас.

На 23 февраля мышкиного года я подарил коту полное собрание про Микки Мауса. Мне хотелось хотя бы литературой поколебать самоуверенность кота. Тогда на 8 марта она подарила мне мышеловку.

Жить с обидой, чтобы обида существовала еще и внутри тебя, не только обидно, но просто невозможно.

– Мне осталось на праздник Мира и Труда завести собаку, – грустно подумал и тихо сказал я.

– Я тебе помогу, – сказала мне мышка. – Ведь ты и сам понимаешь, что кот и в любом доме кот. Только я с двумя кошками жить не могу. Жизнь – одна, и тратить ее на кошачьи радости – это хуже мышьиной возни.

И действительно, однажды я увидел, как за маленькой мышкой бежит соседская кошка. Она была не по-кошачьи

вульгарно разноцветной и по-женски хищно целеустремленной. Кот вздрогнул, спрыгнул с любимой постели. Оказывается, он еще умел мурлыкать. И хотя соседская кошка его проигнорировала, кот потерял уверенность в себе, забыл теплую постель, – он забыл всё только потому, что хотел. Было похоже на чувство, правда, звериное, но чувство.

Кошка побежала за мышкой, кот – за кошкой. Они убежали и больше не вернулись.

А мы остались опять одни. Одиночество сближает избытком пережитого и невысказанного. И мы снова стали спать вместе, потому что у нас была только одна постель.

Но тут вновь наступил новый год. Год быка... А у нас однокомнатная квартира: страшно подумать. Ведь крупнорогатому скоту мало будет кусочка колбасы или даже сыра.

Дикая Дима

В те уже далекие восьмидесятые годы мы жили в небольшом деревянном доме. Невысокий забор с ржавыми покосившимися столбами принадлежал огороду, за которым начинался темный бесконечный лес. Забор защищал наши овощи от любопытных кур, которым надо было обязательно выкопать и склевать то, что мы посадили. Рассчитывать на охрану нашей собаки, Дружка, было бесполезно. Его жизнерадостность и миролюбие не знали границ. Лаял он толь-

ко в хоре местных собак за компанию. А так носился целыми днями по поселку, положив на спину кольцо своего хоста и стараясь узнать какие-нибудь свеженькие новости. С маниакальной одержимостью первооткрывателя он заглядывал во дворы, много раз обнюхивал одни и те же заборы. Но поселок беззаботно дремал, купаясь в дорожной пыли, изо дня в день, из года в год. Но это Дружка не огорчало, потому что каждый день для него становился новым и самым необыкновенным.

Еще в нашем доме жила морская свинка, хотя ей больше подходило прозвище заморской. Мы называли ее Принцессой Хрю. В отличие от шалопая Дружка Принцесса всегда была серьезной, как студентка перед экзаменом, и никогда не улыбалась. В ее жизни было два самых важных дела: поесть и поспать. В свободное от этих занятий время она рожала принцев. Если бы ее не кормили, то она, наверняка, съела бы сначала всю мебель, а потом и весь дом. Поэтому нам приходилось следить, чтобы в ее кормушке всегда была еда. Когда в доме появлялся Дружок, он всегда подбегал к ее миске и проверял, чем сегодня кормят Принцессу. Но королевское меню каждый раз его не устраивало, и он продолжал радоваться тому, что в этой жизни он не родился Принцессой.

Очередной солнечный ленивый день в деревенской жизни не предвещал никаких изменений. Дружок, проверив миску Принцессы, в порыве всемирной и бесконечной любви, из-

мазав всех своим черным мокрым носом, выбежал во двор. Издалека он вежливо и осторожно поздоровался с грозным петухом Петей Петровичем и помчался по своим собачьим делам.

Петя Петрович имел гарем из шести разноцветных кур и куриные мозги. Он ревновал своих несушек ко всем подряд: и к соседнему петуху, и к Дружку, и к нам, детям. Не разрешалось курам далеко разбредаться, а всем остальным подходить к его гарему ближе двух метров. Тогда он нагибал голову, опускал до земли крыло и начинал предупредительный танец ревнивого петуха. Только одним существам на белом свете разрешалось касаться белого тела Петиных жен. Это были блохи, которые в изобилии жили в курятнике, которых мы боялись, когда собирали снесенные в гнездах яйца. Но для Пети Петровича, очевидно, только блохи не являлись конкурентами. Все же остальные должны были представлять опасность для целомудренности его жен.

Как появилась во дворе Дима, никто не заметил. Она словно материализовалась из знойного летнего воздуха, настоящего на запахе разомленной в жару бузины, пропитанного дежурной пылью и жужжанием нервных мух. Она легла на крыльце, положив голову на лапы, и через щели прикрытых зеленых по-японски раскосых глаз с невозмутимостью самурая наблюдала за происходящим вокруг.

Когда мы открыли дверь, она вошла первой, тщательно обнюхала все комнаты и решила, что здесь жить можно, со-

всем забыв спросить разрешения. Точнее, она не забыла, а просто не думала, что кто-то может ей отказать в жилплощади.

Она была таких огромных размеров, что даже, несмотря на густую шерсть, самый первый кот из соседского двора по сравнению с ней казался подростком. Задние ноги были гораздо длиннее передних. И когда она ходила, казалось, что все время готовится к прыжку. Но самой главной особенностью ее тела был хвост, точнее, полухвост. Он не торчал, как у рыси, вверх, а просто был на две трети короче, чем у обыкновенной кошки.

В поселке таких кошек никогда не водилось. Поэтому мы подумали, что она пришла из леса, и решили назвать Дикая. Мама предложила, что из-за своенравности характера она больше похожа на Матильду. Так из Дикой Матильды получилось имя Дима.

В первый вечер Дима спряталась за шкафом и ни за что не хотела выходить, а тем более знакомиться. Но на следующий день она решила нас отблагодарить за гостеприимство.

Между ночью и утром бывают минуты редкой тишины: когда слышно, как падают тяжелые капли росы с умытых листьев на упрямый начес своевольной травы, когда малиновка робко пробует свой неуверенный голос, когда воробьи еще не начали играть в прятки в зарослях сирени, – вот в это самое время Дима принесла и положила на нижнюю ступеньку крыльца свой первый трофей. Это была огромная крыса.

Кошка терпеливо сидела и ждала, когда мы проснемся и оценим ее подарок. Но увидев его, мы все дружно стали кричать, а может быть, даже и визжать. Только папа, погладив Диму и молча взяв лопату, похоронил за сараем крысу. Дима на нас не обиделась, она просто не замечала тех, кто был слаб и ей неинтересен. Зато с папой у нее с тех пор сложились самые крепкие отношения. Каждое утро она продолжала радовать папу своими подвигами, и каждое утро он гладил Диму, брал лопату и шел за сарай. А мы с тех пор стали осторожно спускаться с лестницы, боясь увидеть, а тем более наступить на ночной подарок Димы.

Она не была домашней кошкой, которая любит сидеть на коленях и урчать, когда ее гладят. Когда ее брали на руки, ее огромное тело вдруг ловко изворачивалось и она далеко отпрыгивала в сторону. А потом долго сидела в стороне, вылизывая, очищая свою шерсть от наших прикосновений. Когда мы садились за стол, она оказывалась рядом с папой. Только о его ноги она могла потереться в знак признания.

Дима точно знала время, когда папа должен вернуться с работы, и выходила его встречать. Она садилась на нижнюю ветку тополя, растущего рядом с домом, и ждала. Однажды он уехал на несколько дней. И Дима не покинула свой пост. Мы пытались ее стащить с дерева, накормить, но все было бесполезно. Она смотрела сверху на нас не столько осуждающе, сколько с сочувствием по поводу нашего беспокойства о ее здоровье, как смотрят святые на заблудившихся греш-

ников. И продолжала ждать. Только когда приехал папа, тогда принес ее домой. Он сказал, что она просто упала ему на руки, как созревшее яблоко. и, кажется, разучилась ходить. Действительно, она, как котенок, сидела на его руках. И мама, стараясь не глядеть на эту парочку, вроде бы про себя сказала: «Кажется, я умею ревновать».

Во дворе тоже наступала эпоха правления Дикой Матильды. Дружок, конечно, обрадовался появлению нового жильца и хотел по случаю знакомства по-дружески лизнуть Диму. Но она с шипением погрозила ему лапой с выпущенными, как ножи, когтями, словно предупредив: «Только без панибратства и без поцелуйчиков. Я – девушка строгая и не люблю фамильярности».

«Понял, – ответил ей Дружок, не переставая приветливо махать кренделем своего хвоста. – Я этикет знаю. Не в навозной куче родился». И побежал дальше дарить свою любовь тем, кто в ней нуждался.

А вот у Пети Петровича был не такой покладистый характер, как у Дружка. В Диме он увидел если не соперника, то опасность разрушения нравственности куриного гарема. Наступление он начал с большого полукруга, клокоча низким голосом и подходя все ближе к Диме. Она лежала спокойно, смотря на мир раскосыми японскими глазами, словно размышляя: «Каждое живое существо имеет право на свою внутреннюю территорию: не приставайте ко мне, и я не буду доставать вас». Но Петя Петрович не умел размышлять, ко-

гда чувствовал нарушения установленного куриного порядка. Его алый гребень еще больше налился кровью, и он бросился в атаку. Звенели его шпоры, из горла вылетал воинственный клич, ветер свистел в распушенных перьях, и уже победоносными флагами развевались перья разноцветного хвоста: сметающий все на своем пути ураган неся на Диму. В последний момент распрямившейся пружиной она высоко подпрыгнула и оказалась позади петуха. Он еле успел затормозить, чтобы не врезаться и не обрушить наш дом. Слегка ударившись о стену, он что-то недовольно пробурчал про себя и решил, что урок воспитания на этом можно закончить. Дима сидела поодаль, смотрела на него невинными глазами. Он прекрасно изучил простодушие и покорность своих несушек, но не знал настоящего коварства других женщин. В этом была его ошибка. От первого прыжка Димы он сумел устоять на ногах. И пока он старался понять, что произошло, Дима снова прыгнула на него. Петю Петровича спасла только генетическая память. Он вдруг вспомнил, что его предками были птицы, и в первый раз в жизни он взлетел. Бешено и громко взбивая воздух крыльями, он оторвался от земли. Покорный гарем с испугом и восхищением следил за акробатикой своего повелителя. Расставшиеся с телом разноцветные перья безвольно и вяло кружили в воздухе. Когда он приземлился, он еще некоторое время бежал до укромного места под сараем. Его гарем предусмотрительно тоже разбежался в безопасные места. Только посреди двора сиде-

ла невозмутимая Дима, старательно вылизывая свои лапки. Во дворе установился мир в условленных границах. Но ненадолго... В жаркое и ленивое послеобеденное время Дима сидела в позе медитирующего Будды в тени дома. Только уши, как локаторы, направлялись то в одну, то в другую сторону и подрагивали огромные седые гусарские усы. Вдалеке за огородом Петя Петрович уверенно командовал своим куриным войском. Длинно и монотонно в траве стрекотали кузнечики, и беззаботные бабочки легко меняли один цветок на другой, кокетливо подставляя солнечным лучам свои переливающиеся крылья. Иногда пролетал жук, разрезая разомлевший воздух тяжелым звуком своего форсажного полета.

Обычное спокойствие летнего дня нарушила соседская кошка. Может быть, она проходила мимо, может, зашла познакомиться с новой соседкой. Дима открыла глаза и, не мигая, смотрела на нее. Кошка сначала робко, но потом все более уверенно вышла полностью из скрывающей ее травы. Она словно бы говорила: я вот тут просто по-соседски забрела, шла-шла, а зачем шла, уже забыла. В отличие от Димы, у которой шерсть на спине была черной, а потом к животу через серый и желтый становилась белой, у кошки был хотя и серый, но ярко-строгий, правильный тигровый окрас. Лапки и кончики ушей ослепляли белизной только что выпавшего девственного снега. Если у Димы на мордочке пятна располагались совершенно случайно, как кляксы на листе

бумаги, а под правым глазом было большое черное пятно, как синяк, добытый в тяжелой драке, то у кошки черные линии были яркие, строги и лаконичны, словно только что нарисованы макияжным карандашом гениального визажиста. Наверняка она считалась первой красавицей, и пользовалась небывалым успехом у всех здешних котов. Но главным ее достоинством был длинный хвост. Он извивался, поднимался, то снова падал, как лента в руках гимнастки. Дима прижала к себе плотнее свой тяжелый, похожий на полено хвост и, не выражая никаких эмоций, спокойно наблюдала за происходящим на травяном подиуме.

Кошка подходила все ближе и ближе. Привыкнув к постоянным восхищениям от людей до котов, она и подумать не могла, что может кому-то не понравиться. Когда между ними оставалось не больше метра, Дима совершила стремительный и точный бросок. Самое главное очарование красавицы, то есть ее хвост, был намертво зажат зубами Димы, которая несколько раз встряхнула ее, как вытрясают слежавшуюся за зиму пыльную перину. Кошка от испуга и боли взвыла совсем не кошачьим голосом. Дальше произошло совсем невообразимое. Вы видели когда-нибудь, как метают молот? Огромный спортсмен начинает раскручивать тяжелый шар на тросе, поворачиваясь вокруг своей оси. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. И когда они с молотом крутятся уже волчком, когда, кажется, сейчас они вместе оторвутся от земли, он отпускает молот в свободный полет.

То же самое, что и с молотом, происходило с соседской кошкой. Сначала от земли оторвались ее передние лапы, затем задние, и тело, кружась, поплыло над землей. Мама побежала за ведром с водой, но опоздала. Когда тело кошки набрало вторую космическую скорость, Дима разжала зубы, и та в мгновение взмыла в воздух, превратившись сначала в маленькую кричащую точку, а потом в искусственный спутник Земли. Прибежавшая с ведром мама все же окатила Диму водой. Отряхнувшись от воды, она укоризненно посмотрела на нас и сказала: «Вы же знаете, что я люблю купаться, но сейчас это было лишним». Да, Дима действительно любила воду и обожала плавать. Она была бы чемпионкой среди кошек, если этот чемпионат провели.

Когда Дима вошла в наш дом, то очень внимательно знакомилась с тем, как мы до сих пор жили без нее. Она обнюхивала все: ножки столов и стульев, ботинки и цветы. Каждый угол нашей квартиры для нее имел огромное значение, отчего мама очень возмущалась, потому что сегодня она как раз там не успела вымыть полы. Даже самый дотошный инспектор БТИ в ее присутствии почувствовал бы себя неловко. По результатам своей проверки она выставила нам скромную оценку: «Терпеть можно» и решила остаться.

Во время своего обследования нашей квартиры она столкнулась с Принцессой, которая сначала растерялась и даже прекратила есть. Шелуха семечек повисла на ее усах. За доли секунды они обменялись значительным любезным диалогом:

«Этого не может быть», – сказала одна.

«Только этого мне не хватало», – ответила другая.

После этого Принцесса быстро юркнула под половику, а по телу Димы прошла высоковольтная брезгливая дрожь. И если им приходилось неожиданно встретиться, Дима отворачивалась в сторону, а по ее короткому хвосту пробежали нервные разряды. Всем своим видом Дима говорила: «Раз здесь она живет, то, конечно, я ее не трону, но как можно дома терпеть такую толстую крысу».

Принцесса тоже не выражала восторгов от их встречи. А так как ей волноваться было вредно, потому что она была в очередной раз беременна, мы решили по-царски предоставить Принцессе отдельную комнату с плотно закрывающейся дверью. Но первой родила котят Дима.

Началось все с того, что в доме стали пропадать вещи: носок, вязаная шапка, даже старая мамина кофта. Маме она была точно не нужна, и нам, девочкам, нечего было делать с одним носком. Мы знали, что вещи бегать не умеют, но могут и любят прятаться. А потом, когда про них забудут, они вдруг появляются на самом видном месте. Поэтому, зная эту страсть вещей – играть с нами в прятки, мы смирились и забыли про них на некоторое время.

Потом пропала Дима. Точнее, не пропала, а спряталась под шкафом и не выходила. Мы звали ее, пробовали выманить сырым мясом, которое она очень любила, но она ни на что не реагировала.

– Не приставайте к ней, – строго сказал папа. – Если она заболела, то пусть болеет. А когда выздоровеет, придет сама.

И он, как всегда, оказался прав. На следующий день, к нашей радости, Дима появилась. Мы по этому случаю дали ей праздничный кусок мяса. Но, схватив его, она тут же убежала к себе. Так продолжалось несколько дней, пока мы не услышали от нее странные звуки. Дима, которая никогда не подавала голоса, вдруг под шкафом начала как-то странно мурчать. Пришлось напроситься к ней в гости. И тогда все выяснилось: нашлись не только наши пропавшие вещи, из которых она скрутила подобие гнезда, но еще три маленьких котенка. Через неделю и Принцесса родила двух принцев и двух принцесс. Молодые мамы были погружены полностью в воспитание своих детей. Их совершенно не заботило, что происходило вокруг. Мы тоже постепенно успокоились и потеряли бдительность.

Прошло больше недели, и мы уехали в город покупать новый телевизор. Такая покупка была большим семейным событием, потому что к этому дню мы готовились больше года. Мы уезжали слегка возбужденными: сначала мама забыла деньги, потом папа забыл паспорт: поэтому сначала папа ворчал на маму, потом мама укоряла папу. На обратном пути, когда мы уже купили телевизор, когда казалось, что все неприятности остались позади, мы вдруг вспомнили, что забыли закрыть дверь в комнату Принцессы. Дима, патологически ненавидящая крыс и истребляющая их, как божья

коровка тлю, могла не слишком сильно разбираться в биологических отрядах и семействах. Она могла не знать, что морская свинка – это заморский грызун, прибывший к нам из далекой Южной Америки, и к нашим дворовым крысам не имеет никакого отношения.

Тем более на днях Дима еще раз проявила свой принципиальный характер. Вечером она вышла прогуляться, а заодно встретить папу. Как всегда, она заняла свой наблюдательный пост на ветке тополя, мимо которого утром и вечером проезжал на мотоцикле тракторист Пашка. В коляске мотоцикла обычно сидела его собака – большеголовая овчарка. Открыв зубастую пасть и перекинув розовый язык через нижнюю челюсть, как официант салфетку на руке, она сидела с высоко поднятой головой и важно смотрела по сторонам. Так обычно сидят жены президентов в открытой машине, когда они приезжают в гости к другим президентам. Ее шею от злых врагов оберегал ошейник с острыми шипами.

Когда мотоцикл поравнялся с деревом, овчарка ловко на ходу, как герой вестернов, выпрыгнула из коляски. Этот трюк она проделывала уже третий раз подряд. Сидящая на суку Дима урчанием каждый раз предупреждала ее, но разве станет большая и умная собака слушать маленькую злобную кошку. На этот раз овчарка вела себя еще более вызывающе нахально. Она обнюхала дерево и даже пометила как свою территорию. После этого она не убежала, а нагло стала кружить вокруг дерева. Дима не терпела тако-

го хамского поведения, тем более на своем участке. Шерсть на ней поднялась, превратив ее в огромный шерстяной клубок, и послышались звуки совсем не животного происхождения: там был и свист, и клекот, и шипение. Так начал, наверное, свистеть Соловей-Разбойник. В эту минуту собаке следовало бы одуматься и извиниться. Вместо этого она наконец решила заметить сидящую на дереве кошку, остановилась прямо под веткой и приготовилась на грубом собачьем языке облаять ее. Дима не спрыгнула с ветки, она молниеносно вонзилась в морду собаке, словно та находилась на расстоянии в половину ее кошачьего хвоста. Зажав нос собаки бульдожьей хваткой, Дима принялась своими острыми когтями наносить удары. Овчарка взвыла сначала от испуга, а потом от боли. Она пыталась стряхнуть с себя дикую кошку, трясая головой, беспомощно поднимая лапу, но от этого боль становилась еще более нестерпимой. Наконец она поняла, что от этого ужаса может ее спасти только хозяин, и она, поджав хвост, как простая дворняжка, кинулась вслед за умчавшимся мотоциклом. Дима, очевидно, не любила кататься на мотоциклах и собаках, поэтому у следующего двора ослабила свою мертвую хватку и спрыгнула на землю. Презрительно посмотрев вслед удаляющемуся жалобному визгу, потому как собаки уже видно не было, она повернулась и, брезгливо потряхивая лапами, пошла к своему наблюдательному пункту.

Если Дима сумела наказать огромную овчарку, то распра-

виться с маленькой морской свинкой и ее детьми для нее труда никакого не составляло. Воображение рисовало самые ужасные, как в фильме с Крюгером, картинки. Мы, девочки, плакали, мама искала в сумке валидол, а папа плотно сжал зубы. Нам было жалко добрую мягкую безобидную Принцессу.

Мы не хотели заходить в дом, поэтому папа на разведку пошел первым. Минуты его отсутствия казались нам часами. Наконец он появился на крыльце. Он пытался что-то сказать, но не мог, только показывал в сторону двери. Потом сел на ступеньки, не выдержал и начал смеяться. Ну вот, теперь у папы не выдержали нервы. Неприятности, без очереди следовали друг за другом. Кто такое выдержит.

По дому мы шли очень осторожно, взявшись за руки, при каждом шорохе вздрагивая и останавливаясь. Признаков погрома в кухне не наблюдалось, все оставалось на своих местах. Да и следов крови на стенах не было. Войдя в комнату, где обитала Принцесса, мы увидели довольную Диму, лежащую на боку, а на ее большом животе копошились четыре детеныша морской свинки, громко сопя и жадно чмокая. Сама же Принцесса что-то увлеченно и сосредоточенно грызла в углу. Дима же терпеливо ждала, когда насытятся ее новые приемные дети. Ей и в голову не могли прийти те ужасные мысли, которые почему-то посетили нас. Увидев и дождавшись нас, она наконец-то спокойно положила свободную от дурных мыслей голову на пол и задремала, так

и не поняв, почему и за что все хотят ее расцеловать.

Слух о необыкновенной кошке быстро распространился по всему поселку. Люди даже приходили специально, чтобы посмотреть на Диму. Чтобы пристроить котят, у нас не было проблем, потому что из желающих их приобрести выстроилась целая очередь. Сначала мы отдали двух. Для Димы это было ударом. Если кто-то думает, что кошки не умеют считать, то это неправда. Она ходила и всюду искала их. Проверяла все дальние углы и темные места. Выходила на улицу отрывисто мурлыкала, замирала и прислушивалась. Потом снова мурлыкала. Но ей отвечала тишина. Знакомых, родных голосов слышно не было. И она снова начинала поиски. Мы пытались ей объяснить, что ее котята не пропали, а попали в хорошие и надежные руки. Но она не слушала нас и с потерянными глазами уходила на поиски. Наверное, она плакала, но по ночам, чтобы никто не видел ее слез.

С тех пор она ни на шаг не отпускала от себя своего котенка. Он должен был сопровождать ее повсюду: шла ли она встречать папу или отправлялась на охоту. Он постоянно следовал за ней, а она оглядывалась и проверяла, не потерялся ли он.

Но настало время, когда на следующий день мы должны были расстаться с котенком. Папа говорил: «Не отдавайте его, оставьте. Потом он сам уйдет. Плохо у вас это все закончится». Но мы его не послушали.

После обеда над горизонтом появилась темная полоса.

Никаких облаков не было, просто в нашу сторону ползло сплошное лиловое пятно, которое постепенно закрыло солнце. Стало сумрачно и неуютно. Ветер на короткое время затих, и деревья строго выпрямились, как часовые, боясь пошевелить хотя бы одним листом. Потом ворвался пробный порыв ветра, потом еще один, более резкий и смелый. Вздогнули и наклонились верхушки деревьев. Первые капли были крупными и звонкими, словно упали не на траву, а на одинокое пустое ведро. Они осторожно, как разведчики, продырявили сухой застоявшийся воздух, а за ними хлынули потоки воды. Гром грохотал так, что стонали привыкшие к спокойствию бревна старого дома, а от вспышек молний электрические разряды с треском блуждали по комнатам. Стало очень страшно. Мы выключили свет и сидели в каком-то животном оцепенении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.